

1910 г.

1930 г.

1938 г. Автопортрет.

1953 г.

1970-е гг.

1996 г.

Дмитрий Харакоз

– от имени Ирины Амзараковой, Веры Харакоз и своего имени

Петр Иванович Харакоз: биография в рисунках и фотографиях

На вопрос, зачем пишут биографии, нет простого ответа. Потому что нет прямой пользы от того, чтобы знать чью-то жизнь. Просто есть врожденная человеческая функция такая – коммуникация: один охотно выкладывает, что знает, другой охотно слушает, если интересно. Что-то кому-то западет в душу, случайно соединяясь с собственными впечатлениями – и из соединения вдруг что и выйдет ценного. И другая есть функция – чистое любопытство. Любопытно, какие причины стояли за известными следствиями. Не для того, чтобы предвидеть будущее – всякий знает, что прогнозы не сбываются на самом деле. А вот прошлое поизучать, что из чего проистекло – это иногда доступно. В прошлом всегда есть манящая тайна. Например, нам любопытно, какие гены нами управляют.

На странице – серия портретов отца, среди них автопортрет. И наш рассказ это тоже в значительной мере *его автопортрет*, потому что здесь не будет повествования о наших детских впечатлениях – более интересно то, что мы знаем из его рассказов.

Родной дом в селе Сартана под Мариуполем. (Цв. карандаш)

Начнем с рисунка, который он сделал по памяти. Его родной дом в греческом селе Сартана под Мариуполем, в нескольких километрах от берега Азовского моря. Эти греки были переселены Екатериной Второй из Крыма после победы в русско-турецкой войне. Одним из политических мотивов этой акции была необходимость заселить пустующие южно-украинские земли. Переселенцев объединяло христианское вероисповедание, но говорили они на двух разных языках. Были сёла, называемые греко-татарскими, в них говорили на татарском языке. И были сёла, и в их числе Сартана, называемые греко-эллинскими. В них говорили на языке по своей грамматической основе греческом (румейском), а лексика содержала значительную долю тюркских корней. Это были поселения свободных землепашцев и скотоводов. Так на территории Приазовья сложилось соседство свободных и крепостных сел. Интересный социально-экономический момент. Когда после отмены крепостного права прошло почти столетие, и наше крестьянство уже находилось в колхозной неволе, и на тех землях рядом жили и трудились колхозы греческие и колхозы сёл бывших крепостных, – то греческие колхозы всегда были богаче. На той же самой земле. Потому что – иное отношение к труду. Необходимы многие поколения людей свободного труда, чтобы сложилось такое отношение.

В таком греко-эллинском селе жили родители Петра Харакоза. Соединились линии его матери, Зои Дмитриевны Церахтó, и отца, Ивана Георгиевича (Юрьевича) Харакоза.

Мать, Зоя Дмитриевна Харакоз (урожд. Церахто́),

Отец, Иван Георгиевич (Юрьевич) Харакоз на службе в армии. 1915 год

Линия матери – это гены особого темперамента. Вот, например, эпизод, повторившийся в доме не один раз. Бабка Феодора, женщина набожная, считалась не очень хорошей хозяйкой в доме, и дед Дмитрий бывало, поколачивал ее. Она, бедная, уходила в

Бабка Феодора Ивановна Церахто́ (урожденная Ёры) с внуком Петром. 1911 или 12 г.

город и находила там приют у подруг-монашенок. Крепился дед дня два-три, потом снаряжал тачанку и ехал за ней, падал в ноги. Потому что без нее не мог. Сам Дмитрий был крепкий хозяин и умный человек, был среди сельчан авторитетен. Хорошо знал русский язык, потому что отслужил несколько лет в царской армии. Это было в первые годы после военной реформы, когда армия перешла от рекрутчины к срочной службе. Человек высокого роста, статный, он был взят в кавалерию Гвардейского Преображенского полка. Лошадей любил, и управляться с ними умел не только как земледелец. Эпизод в начале гражданской: по селу идут красные, и дед, посмеиваясь, показывает внуку на неловкого красноармейца в седле: «Сидит на лошади, как собака на заборе. Недалеко уедет». В 1919-м году умерла бабка Феодора, и дед Дмитрий лишь две недели без нее протянул, пошел вослед.

Ещё один пример церахтинского типа – это Федор Николаевич Церахто, двоюродный брат нашей бабки Зои. В гражданскую воевал за красных, воевал за белых, разбойничал. Девятнадцать лет от роду, только дерись. У него и потом буйная жизнь была. Жену себе выкрал из монастыря, со всеми атрибутами романтического разбоя. В пору гонений на греков срывался под грузинской фамилией Церахтадзе. Из-за этого пришлось забраться в сибирскую глухомань, чтобы не нарваться на какого-нибудь грузина, который тут же уличил бы в незнании языка. Там стал мастером сыроделия, случайно, по авантюристности характера. Требовался мастер в цех, чтобы наладить дело, а он вспомнил, что видел в детстве, как взрослые делали сыр, и назвал себя специалистом, и стал специалистом, и на всю жизнь. Основную часть жизни провел в Средней Азии. И вот эпизод, достойный горделивого рассказа. Деду Федору уже за восемьдесят. Получаю от него письмо, что едет из Средней Азии на родину через Москву, жди, мол, приеду. Он не раз проездом гостил у меня. А тут – нет и нет его. Месяца через полтора – письмо из Мариуполя: до Москвы не доехал, сняли на станции такой-то за драку. В вагоне-ресторане мужик под хмельком приставал к женщине, и дед сказал воспитательное слово. Тот поднялся на старика с угрозой. Дед рассердился – ему угрозы терпеть непривычно – и обидчик загремел под стол. Темперамент.

Другая линия, харакозовская. Бабка Петра по отцовской линии Мария –

Бабка Мария и дед Гургор с его внуками. Около 1910 г.

женщина особых качеств. Овдовела в возрасте около тридцати лет. С пятью детьми вышла замуж за Гургора, он отчим нашего деда. Подняла и вывела в люди пятерых своих и троих его детей. Это означает среди прочего, что она, сама неграмотная, некоторым образование дала, в том числе нашему деду Ивану Георгиевичу. Образование в сельской церковно-приходской школе дед получил такое, что потом всю жизнь писал грамотно, никогда не делал ошибок и был прекрасным каллиграфом. Поэтому когда он в первую мировую попал в действующую армию, то служил писарем при штабе в Трапезунде.

В 1921-м году Иван Георгиевич организовал в Сартане первый колхоз из трех семей, с полным обобществлением земли и орудий труда. Это было настоящее добровольное коллективное хозяйство, а не

рабство времён тотальной коллективизации. Колхозу не повезло, развалился под ударом страшного голода 1922-го года, когда в борьбе за выживание трещали даже родственные узы. Позже был несколько лет председателем райисполкома, не оставляя крестьянского

Петя и брат Жора. 1915 или 16 г.

хозяйства. Когда почувствовал, что успешный труд крестьянина-середняка становится жизненно опасным, оставил село и ушел с семьей в город, и потом всю жизнь служил бухгалтером в Мариуполе, в Подмоскowie, в Киргизии, на Донбассе.

На фотографии 1915 года двое из его троих сыновей. Старший, Петр, держит в руках книжку. Тоже особая примета времени и места. С заёмной книжкой в студии охотно фотографировались и неграмотные сельчане, для форсу, потому что грамота в почете. В семье знание русского языка считалось обязательным. Для нашего отца русский был вторым языком, и это сыграло роль в его последующей деятельности. Создать хорошую методику преподавания русского языка в нерусской школе он, по его собственной оценке, сумел потому, что с детства довелось столкнуться с трудностями его освоения. Рассказывал курьёзный случай, когда в восемнадцатом году он, неполных двенадцати лет, подавал заявление о приеме в высшеначальное училище, в которое была преобразована школа, и написал: высшенОчальное. Вспоминает: «Папа мне говорит, надо «а» писать, а я не согласился. Так и осталось нОчальное».

Следующий период жизни – студенческий. В 1927 году поступал на литературно-лингвистическое отделение Таврического университета. Среди вступительных экзаменов была обязательная письменная математика – университетский уровень образования подразумевал владение всеми основами науки. Задача показалась ему слишком простой, и он заподозрил подвох: «Не может быть, чтобы такую простую дали; наверное, не понимаю условие» – и не стал её решать. Спасло собеседование, на котором, после вопроса удивленного экзаменатора «что ж вы с простой задачей не справились», недоразумение разъяснилось. И отца приняли. В том же 1927-м году университет был преобразован в Крымский педагогический институт.

На фотографии – выпуск 1930 года этого института, отцовский выпуск. А его самого на снимке нет. Это характер. По некоторой

причине запрямился, и фотографироваться не пошел. Потом тайком ото всех ходил к мастеру заказывать себе экземпляр общего снимка. И заодно сам сфотографировался, чтоб хотя бы в фотоальбоме поместить рядом свою физиономию (см. выше, в портретной серии).

Выпуск Крымского пединститута 1930 года.

Валя Перзекe

Оля, жена по второму браку
(наша мама)

Зоя Дмитриевна (наша бабка)

По этой групповой фотографии отец однажды учинил нам тестирование. Найди, говорит, среди этих девушек, кем я был сильно увлечен. Я поизучал лица, посравнивал – угадал. Отец довольно хмыкнул, и сказал, что Ирина тоже угадала. Но если мы оба угадали, значит, это не случайность? И действительно, вот она, на увеличенной фотографии, Валя Перзекe, девушка из интеллигентной семьи, с ней здоровались за руку профессора – высший знак уважения к студенту. А рядом фотография нашей мамы, Ольги. Разве не похожи? Но это

ещё не всё. Взгляните на портрет нашей бабки Зои Дмитриевны. Разве не тот же тип? Чтобы убедиться в этом, можно для сравнения еще раз взглянуть на другие лица группового портрета и увидеть – они совсем иные. Удивительно, как детские неосознаваемые впечатления управляют нами потом всю жизнь. В биологии это называется импринтинг. Образ матери определил два самых сильных чувства в жизни. Мы горделиво думаем, что делаем свободный выбор. А его за нас делает наша история, наша биология и обстоятельства.

После института было Забайкалье, затем возвращение в родное село. В семилетке работать не хотелось, дождался призыва в армию, с высшим образованием попал в набор одногодичников. Через год опять всё та же Сартана, теперь уже завучем в школе. Чувство неудовлетворенности, хочется чего-то большего. Он вполне был честолюбив...

И поехал искать судьбу в Киргизию. Его сманил туда друг односельчанин, Котя Малай, геологоразведчик. Там в районе сулюктинского месторождения бурого угля возобновлялись поисковые работы. Вместе двинули в Среднюю Азию. Проездом, в ноябре 1933 года, отец сделал попытку найти работу в Ташкенте, но в вузах было всё укомплектовано. Тогда решил идти с другом в буровую партию. Но в Сулюкте всё решилось иначе. Узнав, что отец по образованию учитель, сказали нет, как можно, с таким дипломом! У нас в школе кадров не хватает. И уговорили, отец пошел в школу. Он всегда увлекался литературой, думал, именно это его призвание. А тут столкнулся с проблемой – ученики плохо говорили по-русски! Надо было найти способ, как их быстро научить. Чтобы говорить о литературе. Чтобы читать стихи и ставить пьесы. Так с 1933 года начался киргизский период его жизни, основной период.

Срочная служба в команде
одногодичников. 1932 г.

Котя Малай. Сулюкта. 1934 г.

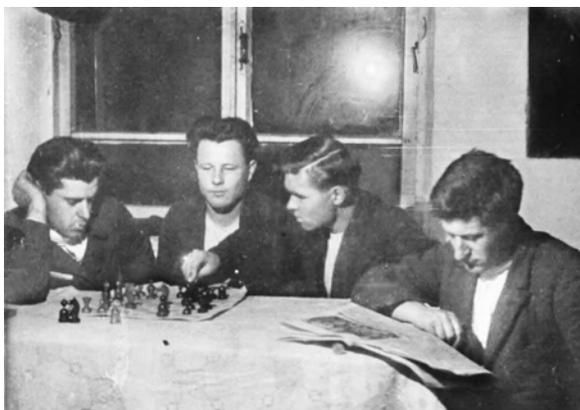
Тогда же он увлекся рисованием. Он вообще много чем увлекался. Например, в возрасте двадцати лет купил скрипку и научился играть на ней. Конечно, не стал виртуозом, но играл вполне прилично, меня научил.

На любительских снимках того времени вполне характерные сюжеты. Вот в общежитии за столом играют в шахматы. Здесь три типичных момента. Во-первых, тут Котя Малай, он слева. Во-вторых, тут шахматы – это одно из постоянных увлечений отца. А справа он сам, якобы читает газету. В альбоме, откуда взята фотография, его комментарий: «Думает о шахматах, а смотрит в газету, потому что на него смотрит объектив». Эта всегдашняя его самоирония и есть третий типичный момент.

Другое увлечение – драмкружок. Он был режиссёром и суфлёром. Рассказывал комичные истории, когда из суфлёрской будки приходилось так громко чертыхаться в адрес недоучивших слова самодеятельных актёров, что взрывался смехом весь зал. На снимке – привал на пути домой после концерта в отдалённом кишлаке.

Первый сын Жора с матерью,
Любой Сафоновой. 1936 г.

Шахматы. Слева Котя Малай, справа Петр Харакоз.
1934 г.

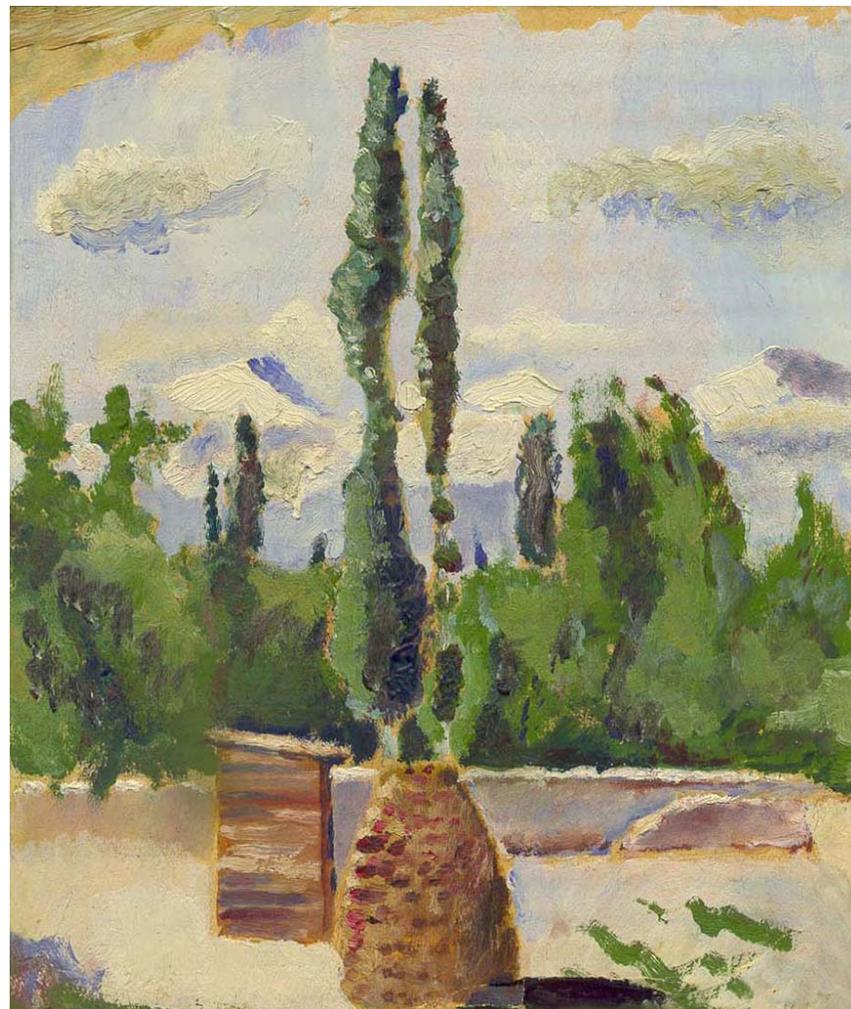
Драмкружок на привале после концерта в кишлаке
Исфана. Петр Харакоз стоит в центре. 1934 г.

1935-й год. Фрунзе. Первая семья, с Любой Сафоновой, он привез ее из Сулюкты. Первый сын Жора, наш единокровный брат. Семья обитала в шестой школе, что на Дзержинке. На рисунке вид из двора школы. Это место – снег и тополя – много раз повторяется в его работах.

Вообще, тополя и горы – любимый мотив, повторенный в масле, акварели, карандаше. В горы нельзя не влюбиться, это понимает всякий здесь живущий. Он делает быстрые зарисовки в пути. Или глядя из окна комнаты во время подготовки к занятиям (а к занятиям он всегда тщательно готовился, шевеля губами и жестикулируя, репетируя лекцию, «проигрывая» её возможные сюжеты). Рисует, когда гостит у коллеги,

Вид из двора шестой школы. (Цв. карандаш)

Кизяки. 1946 г. (масло)

Славнова-Цаплина, в Ново-Николаевке, украинском селе в пятидесяти километрах от Фрунзе по Ташкентскому тракту. Потом обрабатывает эскизы дома.

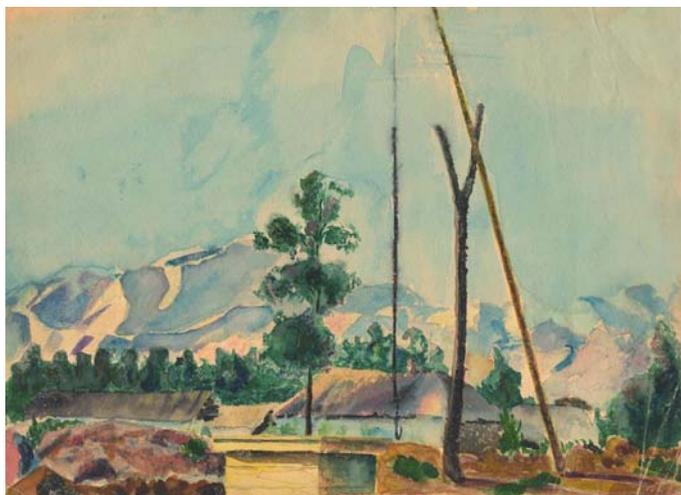
Украинская тема – повод для ностальгии. Поэтому на рисунках то парус на морском просторе, то баркас на тихой воде, то церковь в родном селе. Церковь была разрушена в известные лихие времена, набросок сделан по памяти.

...Из лихих времен нельзя не рассказать важный эпизод. Отец был завучем в сартанской школе, это 1932-33 годы. Представим себе атмосферу того времени. Село с устоявшейся патриархальной социальной структурой, ещё не порушенной. Новый страшный голод – «голод коллективизации». Вновь продрозверстка – «изъятие излишков», так это называлось; ходит по домам комиссия и «излишки» зерна подчистую изымает. И было властям важно, чтобы в такую комиссию входила не только сельская беднота, надо интеллигенцию к делу привлекать. А тут молодой перспективный учитель, комсомолец. Отца вписали в комиссию. И вот, рассказывает он, пришли в дом. Комиссия – кто куда: кто в амбар, кто на чердак, кто в хлев. Он заходит на кухню. Сидят худющие женщина с двумя детьми и старик. Отец проходит мимо печки и замечает, как окаменели их лица. Поднимает вьюшку плиты – там завернутые в бумагу «излишки», сколько их там в печке можно было поместить, в слабой надежде спасти детей от голодной смерти... Кладет вьюшку на место. Комиссия собирается, ничего нигде не нашли, двинули со двора. Старик семенит за отцом, трогает за рукав и спрашивает: «Чей ты сын?..» Комок в горле, когда это рассказываешь. Нет оценки выше...

Но вернемся в Киргизию, во Фрунзе. Отсюда он уходит на фронт и участвует в боях на подступах к Москве. Заместитель командира роты автоматчиков 385-й стрелковой дивизии. Об этом периоде мы знаем мало. Наши родители оба не любили рассказывать про войну. От матери мы знали только, что на войне много вшей. А у отца сильнейшее впечатление: за все фронтовые месяцы – а его ранило на Смоленщине 22 февраля 1942 года – он ни разу не видел наших самолетов, только немецкие. Ранение было осколочное и удачное: касательное в брюшную полость навывлет, и разбита кисть правой руки. Жив, но к строевой службе непригоден. Госпиталь в Калуге, в Казани, потом – домой. Как офицер запаса, служил военруком и учил молодежь стрелять из мелкокалиберной винтовки. Благодаря этому его семья не сильно голодала в военные годы – он сэкономил выданные для учебы патроны и мог потом выйти с мелкашкой в поле пострелять ворон для пропитания. Дело было весьма непростое: ворона – птица умная и быстро научается отличать винтовку от палки и держаться на расстоянии выстрела.

Зимний тополь. 1937. (цв. карандаш)

В Ново-Николаевке по Ташкентскому тракту. 1938 г.
(акварель)

всего этого. Не рассказали о том, как в разбойное лето 53-го года дежурил по ночам на подоконнике с вилами в руках, охраняя дом от уголовников. Как из ватмана, фольги и горючей киноплёнки конструировал нам действующие реактивные самолетики. Какие прекрасные вина делал из собственного винограда и из вишни; какой высочайшей очистки готовил самогон, а сам крепких напитков в рот не брал. Как мечтал бросить курить и мечтал выиграть по лотерейному билету. О том, что он как подписчик на газеты и журналы был рекордсменом в нашем почтовом округе – выписывал более двадцати изданий, в том числе «Технику – молодежи», «Юный натуралист» (для детей) и «Мугалимдер газетасы». О том, как темпераментно следил за событиями в стране, как аргументировано и остроумно негодовал, наивно полагая, что все беды наши в сталинское время – от злодейства, а после Сталина – от недомыслия. Как переживал, что на Луну высадились американцы, а не мы. Как откликался на острые дискуссии и писал статьи о социальных и нравственных аспектах пересадки органов или об оплате труда ученого. Не рассказали как при участии студентов-заочников – это его любимая категория студентов! – а также при участии нашем и соседских детей создавался его первый в мире – а на базе русского языка он единственный до сих пор – частотный словарь детской речи, без которого нельзя было построить хорошую методику преподавания языка.

После войны они встретились с нашей мамой. Он работал в педучилище, а она была студенткой. В начале пятидесятых был построен дом, вы можете видеть его на фотографии. Мы это время помним. На стенах висели его цветные карандашные эскизы, заправленные в самодельные паспарту, это были киргизские горы. Горы узнаваемы. Видно, откуда течет Аламедин, откуда Ала-Арча. А наш дом стал неузнаваем с тех пор, как мы оставили его в 1993-м. Он стал богатым дворцом.

Мы не рассказали о многом. О том, что свой дом отец строил по собственным чертежам; что сам делал тепловой и гидравлический расчет системы автономного водяного отопления в доме; что умел нам объяснить суть различий между бессемеровским и мартеновским процессами выплавки стали – филологическое образование Таврического университета вполне было достаточным для

Сартанская церковь (ностальгия).

Новая семья (в заднем ряду наш единоутробный брат Володя и наша няня). 1954 г.

Дом в переулке Олега Кошевого. На крыше отец занят мелким ремонтом. 1957 г.

Всё это происходило уже на наших глазах и потому лишено покрова тайны, и потому не увлекательно. На нашей памяти он уже не брал в руки кисть и карандаш и почти не играл на скрипке. Последний рисунок сделан в 1954 году – спящая дочка Вера. Это останется тайной.

Ближние горы: слева ущелье реки Аламедин, справа – Ала-Арчи. 1937 г. (цветной карандаш)